

Основные направления деятельности партийно-государственных структур по отношению к Православной церкви в Беларуси (1917–1941 гг.)

И. И. ЯНУШЕВИЧ

В статье проводится исследование основных направлений антирелигиозной работы партийно-государственных структур по отношению к Русской православной церкви до начала Великой Отечественной войны. Анализируется содержание антицерковных мероприятий и их соответствие задачам советского строительства.

Ключевые слова: государственные структуры, Православная церковь, большевики, антирелигиозная деятельность, атеистическое движение.

The research of the main anti-religious policy of the party and governmental bodies with respect to Russian Orthodox Church (ROCh) during the period of 1917–1941-ies is viewed upon in the article. The content of anti-church activities and their conformity with the targets of soviet formation is analyzed.

Keywords: state structures, Orthodox church, bolsheviks, antireligious activity, atheistic movement.

Рационализм государственно-церковных отношений в нашей стране столетиями давал положительный для общества результат. В Беларуси исторически проживали православные, католики, иудеи, мусульмане, реформаты и др. Главная же роль в религиозной жизни принадлежит Православной церкви. Народ черпал в православии силы для преодоления всех бурь и несчастий, пронсящих над Отечеством. Церковь осуществляла свое служение во всех сферах семейной, общественной и государственной жизни народа. Государственно-церковная идеология была основополагающим элементом развития общества, его единства и способности противостоять радикальным политическим и религиозным учениям. Коренные изменения характера государственно-церковных отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в рамках общих изменений в стране остро требуют своего осмысления и изучения и с научно-теоретической, и с практической точки зрения. Безусловно, исследование данного процесса не может быть ограничено временными рамками. Невозможна полноценная разработка вопроса без обращения к историческому опыту. Проблемы духовно-нравственного состояния современного общества самым тесным образом связаны с атеистическим экспериментом большевиков.

Следует отметить, что эволюция политики Советского государства по отношению к РПЦ в Беларуси не стала еще в полной мере объектом научного анализа. Представляется важным комплексное изучение процесса уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а также разрушения ее административно-управленческой структуры как основополагающих направлений антирелигиозной политики большевиков. С начала 1990-х гг. интерес к исследованию государственно-церковных отношений усиливается. Выходит в свет целый ряд работ. Наибольший фактический материал отражен в трудах Д. Пospelовского [1], А. Нежного [2] и новых работах М. Одинцова [3]. В. Алексеев свой труд посвятил проблеме антирелигиозной деятельности комсомольцев, их месту и значению на общегосударственном атеистическом фронте [4]. В белорусской историографии по схожей проблематике имеется целый ряд работ. В. Новицкий исследовал развитие конфессиональной ситуации в целом и, в частности, более подробно разработал проблему раскола православной церкви и возникновение так называемого «обновленчества» [5]. Священник Феодор Кривонос провел, скорее всего, максимально полное исследование проблем репрессий священников Минской епархии [6]. Т. Процько подвергла тщательному анализу процесс ограничения свободы вероисповедания в условиях формирования административно-командной системы [7]. В 1990 г. В Беларуси был переиздан труд А. Мартоса [8].

Первое десятилетие XX века было отмечено значительными изменениями в общественно-политической жизни. На фоне внешне стабильной ситуации отчетливо проявлялись негативные тенденции, на которые должны были отреагировать и царь, и правительство, и РПЦ. Церковь в условиях синодально-консисторской системы, по сути, была порабощена государством, окутавшим ее своими бюрократическими путями. Царь и правительство не видели необходимости изменения не отвечающей запросам времени системы государственно-церковных отношений. Провозглашенные религиозные свободы поставили Православную церковь в неравное положение по сравнению с другими религиозными течениями. Церковь, принужденная правительством исполнять роль идеологического надсмотрщика за населением в условиях сложившейся социально-политической ситуации, по сути, сама отторгала от себя приверженцев, в то время как иные культы во многом были свободны в организации своей деятельности и в возможности выдвижения лозунгов и идей более насущных и востребованных населением. На поле религиозной жизни поднималось превеликое множество организаций и лидеров, в том числе не совсем адекватных, деструктивных, оккультно-мистических, имевших «точные», «исчерпывающие» ответы на все интересующие вопросы и имевшие готовые и быстрые рецепты решения всех проблем. Наряду с политической радикализацией это могло, должно было и привело к событиям 1917 г. И к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место в Советской России.

Большевики, захватив власть в Петрограде, получили возможность начать на практике осуществление своих программных установок по уничтожению религиозных верований и церковных организаций без учета российской действительности, без необходимости поправок и адаптации. В руководстве партии не было какого-то конкретного плана церковной политики. Не было его и у лиц и структур, ответственных за реализацию поставленной задачи. Антицерковные указания зависели от конъюнктурных идеологических указаний. Следует отметить, что эволюция политики Советского государства по отношению к РПЦ в Беларуси не стала еще в полной мере объектом научного анализа.

Лидеры большевиков внешне стремились более к перерождению человечества, чем к проведению внутригосударственных реформ. Для реализации грандиозных планов требовался новый тип человека, с абсолютно свободно управляемым мышлением и запрограммированным мировоззрением, поэтому для нововведений необходимо было расчистить «строительную площадку». Анализ антирелигиозной деятельности большевиков показал, что в период до Великой Отечественной войны в агитационно-пропагандистской области она сводилась к следующему: максимальное ограничение пропагандистских возможностей религиозных организаций; создание партийно-государственных антирелигиозных структур и обеспечение их деятельности; формирование идеологических установок в антирелигиозной сфере и распространение атеизма.

Новое политическое руководство начало проводить жесткую минимизацию идеологической базы религиозных организаций. Запрещалось преподавание вероучений во всех учебных заведениях. Вводились ограничения в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18-ти лет. Вместо веры в Бога усиленно пропагандируется атеизм и вера в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов». С установлением советской власти в Петрограде начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции. Вместо икон ставились портреты вождей большевиков, вместо креста употребляли звезду, вместо церковного песнопения – распевание революционных песен. Все религиозные действия ограничивались исключительно стенами богослужебных помещений.

В годы гражданской войны и интервенции главным методом антирелигиозной деятельности было истребление священнослужителей, членов их семей и работников Церкви. Некоторые лидеры большевиков предполагали путем полной ликвидации клириков на протяжении одного-двух лет покончить с религиозностью населения. Насадить социализм штурмовыми методами не удалось. «Богоборство» и «попоедство» оказались неэффективны. В решениях X–XII съездов партии просматривается поворот от прямой конфронтации с религиозными орга-

низациями и духовенством в плоскость усиления разъяснительных мероприятий. Основным оружием антирелигиозников должна была стать пропаганда материализма, проникнутая идеями воинствующего атеизма. В программы обучения, в том числе при стажировках ответственных работников, в обязательном порядке вводились курсы естествознания с антирелигиозным подтекстом. Атеистическому воспитанию должны были служить регулярные лекции, доклады, диспуты в школах, на фабриках и заводах, в учреждениях. К середине 1920-х гг. подобная деятельность не привела к значительным результатам. Работа по распространению атеизма тормозилась по причине чрезвычайно малого количества ответственных антирелигиозников, недостатка квалифицированных лекторов и докладчиков, ограниченности средств на издание соответствующей литературы. На местах основное внимание руководства уделялось решению социально-экономических проблем. Даже среди членов компартии, комсомола и в Красной Армии наблюдался высокий процент религиозности.

К середине 1920-х гг. борьба за выполнение плановых показателей охватила весь аппарат. Бюрократическая отчетность во многом стала выше здравого смысла и необходимости решения насущных задач социалистического строительства. В отчетные показатели вбивались данные о количестве проведенных мероприятий, открытых избах-читальнях и т.д. Для объединения всех атеистически настроенных сил создавался Союз безбожников (СБ), в котором должна была сконцентрироваться вся антирелигиозная работа. Наладить работу СБ оказалось чрезвычайно сложно. Даже партийные органы не спешили выполнять установки ЦК ВКП(б) в данной области. Реальной, систематической поддержки «безбожникам» на местах практически не оказывали. Антирелигиозная деятельность у ответственных работников популярностью не пользовалась. Численность СБ в БССР к апрелю 1927 г. составляла только 4506. Итоги десятилетия антицерковной деятельности стали достаточно неожиданными. По мере того, как духовенство освобождалось от всего того, что составляло его внешнее благополучие, могущество церкви прирастало духовно в сердцах и умах. Откровенные гонения на церковь в глазах недовольного политикой руководства страны населения только увеличивали ее авторитет, создавая ореол мученичества, столь почитаемый в христианстве. Революция породила достаточно сильное атеистическое движение, не с лучшей стороны повлиявшей на духовно-нравственное состояние общества. В стране широко распространились всякого рода псевдорелигиозные учения.

К концу 1920-х гг. практически закончилась внутривнутрипартийная борьба за верховную власть. Споры о формах дальнейшего развития общества, в том числе и о методах продолжения антирелигиозной борьбы стали неуместны, а невыполнение установок ЦК партии могло привести к плачевным последствиям для руководителя любого уровня. С 1928 г. В структуре парторганов вводится оплачиваемая ставка антирелигиозника. Партийные, комсомольские, организации и иные органы обязывались оказывать СБ организационную и материальную помощь. В условиях напряженной внутривнутриполитической ситуации начала 1930-х гг. антирелигиозная деятельность по отчетным показателям значительно усилилась. Численность Союза воинствующих безбожников (СВБ) выросла до 217 тыс. членов [5, с. 175]. Провозглашенная в 1932 г. «безбожная пятилетка», однако, не привела к появлению в республике «религиозной пустыни». К 1937 г. СВБ находился на грани развала. Не лучшим образом обстояло дело и с религиозностью. Согласно переписи населения 1937 г., 57% граждан старше 16 лет отнесли себя к верующим. Несмотря на внешне не столь уж радужную ситуацию на антирелигиозном фронте, необходимо констатировать, что безбожием было поражено около половины населения страны. Сколько среди них атеистов-материалистов мы, скорее всего, никогда не узнаем.

Первые лица большевистской партии, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, придавали, как потом покажет время, слишком большое значение уничтожению материальных ресурсов РПЦ. Религия и церковь в их представлении были какими-то аморфными явлениями, «идеологической надстройкой», не имеющей под собой необходимого запаса прочности. В.И. Ленин, возможно по аналогии ситуации с политическими партиями, полагал, что церковь, в частности, Православная, рухнет, как только отнять у нее экономический базис. Давление в экономической сфере сводилось к следующим основным направлениям: отъем собственности; законодательное ограничение хозяйственной деятельности, создание неблаго-

приятных условий для функционирования церковно-приходских советов; ущемление священнослужителей в семейно-бытовой сфере.

Декретом «О земле» 26 октября 1917 г. Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [9, с. 13]. Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» вводил максимальное ограничение деятельности церкви и религиозных общин. Пункт 12 Декрета гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют», а пункт 13: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [10, с. 30]. Конфискации подлежали ценные вещи непосредственно не предназначенные для богослужения. Были закрыты банковские счета религиозных ассоциаций. Следующими этапами отъема материальных ценностей было установление советской власти летом 1920-го г. И во время грабежа Церкви в период голода в Поволжье, когда смерть грозила третьей части населения государства. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. Было проведено практически полное ограбление храмов. Проводимая согласно Инструкции ВЦИК от 10 августа 1922 г. «О регистрации религиозных общин» перерегистрация отчетливо показала тотальную бедность белорусских приходов [11, л. 70]. Инструкцией запрещались членские взносы. Мог производиться разовый сбор средств для определенных целей – отопление, охрана, поддержание чистоты и т. Д. Религиозная община могла открывать счета в банках, занося средства на имя отдельных граждан, т.к. церковные организации были лишены прав юридического лица. Запрещались принудительные сборы на храмы. Приравнивание религиозных общин к частным, уплата ими налогов по тем же ставкам, что и предпринимателей, а также обложение промысловым налогом торговли культурными предметами делали эти предметы дорогостоящими.

Духовенство постоянно подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера. Их дети не могли получить образование выше начального, а за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог. Священнослужители, как «нетрудовой элемент», наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. Жилищные условия духовенства были чрезвычайно плохи. Даже митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек – глава Православной Церкви в Белоруссии – проживал в комнатке 3 кв. саженя [11, л. 1]. Материальное положение православного духовенства было критическим. Даже митрополит Мелхиседек не платил налоги в связи с тем, что его доход был ниже минимальной налогооблагаемой планки. В графе «имущество» при его высылке в Сибирь было записано: «Отсутствует». Практически таким же было положение у всех городских священников. Они не могли быть даже членами потребительских обществ. В 1927 г. Госстрахом резко увеличивается страховой взнос, особенно это касалось богослужебных зданий [12, л. 113]. В дополнение к этому местные органы пытались обложить храмы налогами всех видов. Увеличивалась рента земли, налог с ремонта, с содержания имущества, с продаж предметов культа, возросло число косвенных налогов. Размер налогообложения не должен был превышать 0,5% от рыночной стоимости богослужебного здания, причем оценивались только голые стены без украшений и художественной росписи. Реально за храмы платили примерно по 32 руб. вместо положенных 2 руб. 30 коп.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» церковь практически полностью лишалась возможности организовывать свою хозяйственную деятельность [13, с. 83–97]. Духовенство было поставлено в прямую зависимость от приношений верующих в условиях катастрофического ухудшения экономического положения граждан, «раскулачивания» и изоляции «контрреволюционных» элементов. Религиозные организации не имели права организовывать центральные кассы для сбора добровольных пожертвований, устанавливать обязательные сборы и заключать контрактные соглашения. Запрещалась всякая благотворительная деятельность, даже по отношению к священнослужителям и их семьям. Договоры по ремонту могли заключать только выборные общин как частные лица, а поэтому подобные сделки как коммерческие облагались непомерными налогами. Начавшаяся в 1929 г. Борьба с частными предприятиями, к которым были отнесе-

ны священнослужители и приходы как «доходные места», привела к непомерному росту различного рода налогов и займов. Довершало процесс грабежа Церкви изъятие колоколов.

Разрушение административно-управленческой структуры РПЦ главным образом сводилось к следующему: уничтожение духовенства и активных прихожан; разрушение системы управления Церковью; создание невыносимых условий функционирования религиозных общин.

Белорусские клирики все же до 1921 г. находились в более безопасном, в плане выживания, положении, чем в РСФСР и Восточной Украине. Наличие близкой границы и нестабильность ситуации не позволяли большевикам применять крайние формы, проводить массовые показательные расстрелы священнослужителей и их семей. Трагическими стали для клира 1921–1922 гг. Страшнейший голод в Поволжье явился поводом для полного изъятия церковных ценностей и репрессий против духовенства и верующих.

Ликвидация духовенства до 1922 г. Проводилось хаотично, систематизировать работу должно было Постановление ВЦИК от 6 февраля 1922 г., которым ВЧК ликвидировалась, на ее месте создавалось Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. 1 марта 1922 г. Было образовано ГПУ при ЦИК БССР. «Политотделам, а также их уполномоченным предоставлялось право производства обысков, выемок и арестов... без специального постановления ГПУ и ПО» [14, л. 12]. Этим же постановлением органам ГПУ предоставлялось право административной высылки до 3-х лет в отношении лиц, подозреваемых в причастности к контрреволюционным выступлениям. Именно аресты и высылки наиболее авторитетных и перспективных священников, руководителей всех уровней, насаждение «своих» иерархов стало основной мерой воздействия на духовенство в 1920-е гг. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной, стремящиеся к разного рода нововведениям и решению личных интересов. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. Церковные суды были вне закона. Точечные аресты хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в концлагеря [6, с. 24–81].

С 1929 г. Ситуация коренным образом изменяется. Перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. Было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [7, с. 300]. Самыми кровавыми были 1929–1933 гг., 1935 г. И 1937 г. В 1937 г. – первой половине 1938 г. В БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [7, с. 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, скорее всего, к сожалению, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [5, с. 179].

Задача введения полной монополии на любую общественно-политическую деятельность требовала установления контроля над действующими обществами, союзами и объединениями. 10 августа 1922 г. Увидела свет Инструкция ВЦИК «О регистрации религиозных общин». Согласно Инструкции для регистрации религиозной общины уставом, списками верующих, членов приходского совета и т.д. необходимо было составить описание имущества и заключить договор об аренде. Договор подразделялся на три основные направления – экономическое, политическое и пути ликвидации общины. Члены пятерки обязывались беречь переданное им «народное достояние» и пользоваться им исключительно соответственно его прямому назначению. За пропажу или порчу взятого у государства имущества, в случае доказанности органами НКВД хищения, выборные приходы несли уголовную ответственность. Если же это проходило без злого умысла, а по небрежности, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб [11, л. 12].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» РПЦ практически полностью лишалась возможности организовывать свою административно-хозяйственную деятельность. Священник не мог выступать от имени прихода. Он становился наемным работником. Управленческая функция ограничивалась увещанием верующих. С лета 1927 г. Под различными благовидными предложениями регистрация и перерегистрация общин откладывалась на неопределенный срок. К началу 1929 г. Действовало 1013 православных храма.

За 1930 г. Было закрыто 573 церкви, в 1936 г. Осталось только 74, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [5, с.173].

Еще одним направлением деятельности советского государства по развалу РПЦ были действия по разрушению единства Церкви, поддержка и инспирирование всякого рода расколов. В результате внешнего вмешательства во внутрицерковную жизнь в противовес патриарху Тихону в 1922 г. Появилось так называемое обновленческое движение, а после подписания патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием так называемой декларации «лояльности» было объявлено о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви. Теперь в республике действовало три почти равных по количеству приходов течения Православной церкви: обновленцы, сергиевцы и автокефалисты [12, л. 11]. Во внутрицерковной жизни наблюдался серьезнейший беспорядок. Противостояния различных групп подрывали авторитет Православной церкви. С начала 1930-х гг. политика «разделяй и властвуй» для большевиков уже перестала быть актуальной. К 1934 г. Прекратило существовать обновленчество, к 1937 г. – автокефалия.

Задача ликвидации организационно-управленческой структуры РПЦ в БССР к началу Великой Отечественной войны была практически выполнена. Духовенство в основном оказалось уничтожено. Большевикам удалось расчленив РПЦ на несколько, в определенный момент ожесточенно враждующих частей. Обновленчество компрометировало саму идею православия и работало исключительно на разрушение Церкви, уничтожение основ православной веры. Оно не было однородным. Имело место и заблуждение, и попытки возрождения первохристианских идеалов, но деятельность и итог были плачевны. В общем атеистическом угаре отсутствие единства Церкви, постоянные склоки и разбирательства играли на руку антирелигиозникам. По мере укрепления большевицкой власти ужесточалось антицерковное законодательство.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что к 1941 г. в деле ликвидации религии и церкви удалось добиться ощутимых результатов. Была подготовлена почва для дальнейшего решительного и, возможно, победоносного наступления. Мировоззрение половины граждан страны было антирелигиозным. Церковь как организация была практически полностью разрушена, зримая система управления ликвидирована. Храмы закрыты, имущество полностью отнято. Оставшиеся в живых священники были малочисленны и поставлены в невыносимые условия. По сути, не воцерковленные верующие подвергались опасности отхода от основ православия, потому что только в лоне Единой Соборной Апостольской Церкви возможна жизнь православного христианина. Между тем духовно-нравственный, державный, патриотический потенциал православия остался громадным. Это понимало руководство партии и особенно И.В. Сталин, разумно использовавший его для спасения Отчества во время военного лихолетья.

Литература

- 1 Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
- 2 Нежный, А. Комиссар дьявола / А. Нежный. – М.: Протестант, 1993. – 243 с.
- 3 Одинцов, М.И. Государство и церковь в России. XX век / М.И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 325 с.; Одинцов, М.И. Власть и религия в годы войны / М.И. Одинцов. – М., 2005. – 540 с.
- 4 Алексеев, В.А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
- 5 Навіцкі, У.І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
- 6 Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 239 с.
- 7 Протько, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протько. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.

8 Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт: Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 237 с.

9 Первые Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979. – 80 с.

10 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – 311 с.

11 Государственный архив Минской области. – Фонд 48. – Оп. 1. – Д. 40.

12 Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 339.

13 Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – 335 с.

14 Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 559.

Белорусский государственный университет

Поступило 30.03.10

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ